

Н О В Ь И
М И Р

12

1964

НОВОЫЙ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XL

№ 12

Декабрь, 1964 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е И С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СТРАНИЦЫ ЛИРИКИ СЛОВЕНСКИХ ПОЭТОВ. <i>Матей Бор.</i> Видение. Герой Хиросимы.— <i>Тоне Селишкар.</i> Товарищи. Водопад.— <i>Сречко Ковсела.</i> Солнце имеет корону. Усталые от работы. Перевел со словенского Алексей Сурков	3
АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ — <i>Лето в Сосняках</i> , роман	9
ВЛ. КОРНИЛОВ — <i>Четыре стихотворения</i>	83
А. МАРЬЯМОВ — <i>Полярный август.</i> Продолжение	85
МУСБЕК КИБИЕВ — <i>Белые звезды.</i> Перевела с чеченского Новелла Матвеева	137
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
ДНЕВНИК АНАСТАСИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ЯКУШКИНОЙ (С послесловием Н. В. Якушкина — Несостоявшаяся поездка А. В. Якушкиной в Сибирь)	138
Академик И. М. МАЙСКИЙ — <i>Дни испытаний</i> (Из воспоминаний посла)	160
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ЕЩЕ О МЕМУАРАХ. <i>Р. Савицкая.</i> Листая страницы воспоминаний о В. И. Ленине.— <i>В. Шкловский.</i> Память и время.— <i>Л. Малюгин.</i> Сочинение с ошибками (Заметки на полях мемуаров А. Штейна)	195
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
ПИСЬМО А. К. ВОРОНСКОГО В. И. ЛЕНИНУ (Публикация И. Смирнова)	213
ЛУИЗА БРАЙАНТ — <i>Беседа с Н. К. Крупской.</i> (Публикация, комментарии и перевод А. Байковой)	220

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Г. Березкин. Он сделал все, что мог...— С. Соложенкина. Быть самим собой.— А. Синявский. Pamфлет или пасквиль?— Ст. Рассадин. Среди людей.— Г. Трефилова. Азбука этики.— Л. Левицкий. Неведомый враг.— В. Адмони. С позиций человечности.	223
<i>Политика и наука</i>	
В. Кучерова, И. Кон. Безответственный подход к ответственной теме.— О. Семеновский. Об этом забывать нельзя.— И. Кичанова. Католическая церковь и политика.— С. Шостакович. Новая книга о Грибоедове.— И. Миндлин. Старое в новом.	249
Трибуна Читателя	
Н. Протасов — Литературные штормы	263
КОРОТКО О КНИГАХ	270
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	279
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1964 ГОД	281

ПАМФЛЕТ ИЛИ ПАСКВИЛЬ?

Иван Шевцов. Тля. Роман-памфлет. «Советская Россия». М. 1964. 284 стр.

В предисловии к этой книге действительный член Академии художеств А. Лактионов предупреждает читателей: «Тля» — роман-памфлет едкий, боевой и гневный. Наверняка он вызовет горячие споры, возможно, и резкие нападки со стороны некоторых искусствоведов и критиков. Что ж, борьба есть борьба...»

Приступая к разбору романа «Тля», в порядке предварения хочется возразить почтенному рекомендателю: «горячие споры» и «резкие нападки» здесь едва ли уместны. Хотя «борьба есть борьба», существуют, очевидно, различные ее формы и способы. Борьба, которую ведет Иван Шевцов на страницах своей книги, граничит, нам представляется, с такими внелитературными формами, как уличный скандал, трамвайная перебранка, квартирная склока... Она требует от критики не ответных нападков и споров, а прежде всего спокойствия, миролюбивой рассудительности. Участвовать в этой полемике на предлагаемых условиях как-то стыдно, унизительно; с горячностью опровергать ее доводы — смешно. Полезнее, набравшись терпения, разобраться в книге, войти в положение автора, учтя его, как рекомендует А. Лактионов, «ершистый» характер, и, может быть, не столько нападать на Ивана Шевцова, сколько пожалеть его, посочувствовать...

Положение, в котором очутился автор «Тли» и его герои — художники-реалисты, ведущие борьбу с разнообразными врагами, в самом деле достойно всяческой жалости. В нашей художественной жизни, по уверению Шевцова, действуют неуловимые силы «темной, но спаянной, спевшейся кучки» — «немногочисленные, но поразительно активные» «модерняги», «космополиты», «поджигатели», «эстеты и формалисты всех мастей». Они «безнаказанно издеваются» над честными художниками, дают им советы, в которых «есть что-то дьявольски-подкупающее, вернее — интригующее», «несут чертовщину», стараются «проташить» всюду «своих людей», насадить «крамолу»¹.

Роман «Тля» приправлен уголовной хроникой, скандальными разоблачениями. Знаменитый художник Лев Барселонский

(а большинство персонажей обрисовано здесь как личности весьма известные в мире искусства) в годы революции, оказывается, едва ушел от расстрела. Его дальнейший путь отмечен сделками и уловками политического свойства, а «золотой значок лауреата и звание действительного члена Академии художеств» он получил, по слухам, выдав чужую работу за собственное творенье. Магистрый искусствовед и критик Осип Давыдович Иванов-Петренко также добился славы с помощью подозрительных махинаций, каковою была, к примеру, его докторская диссертация о Сезанне: «Сведущие люди говорили, что существо этой диссертации составляли незначительные материалы, случайно попавшие в руки ловкого дельца». «...На том же Оське,— по чеканному определению положительного героя романа,— чистого места нет, пробы ставить негде. И с эсерами, и с троцкистами, и с кем только он не яхшался. А Оське хоть бы что. Он живет, здравствует, процветает и делает свое грязное дело».

Воровством, подлогами, гнусными спекуляциями и другими преступлениями переполнены биографии сторонников «чистого искусства», пользующихся успехом, задающих тон в художественной среде. Даже о погоде они изъясняются, как опытные заговорщики, уподобляясь матерым шпионам из детективного романа:

«Они обменялись понимающими улыбками.

— Хорошая погода,— сказал Иванов-Петренко, энергично подавая Барселонскому теплую руку. Вид у него был бодрый и решительный.— Оттепель!

— Хорошая оттепель,— подтвердил Лев Михайлович, испытующе посмотрев собеседнику в глаза. Осипу Давыдовичу был знаком этот внимательный, выматывающий душу взгляд...»

То, что негодующий автор на своих идейных противников взвалил все грехи, нацепил на живые лица маски кровожадных злодеев,— прием не новый. В романе «Тля» нашли развитие черты, восходящие к давней традиции, по счастью, не привившейся в советской литературе, но хорошо знакомые желтой прессе. Неожиданно в книге Шевцова другое: ослепленный ненавистью

¹ Все заковыченные выражения взяты у Ивана Шевцова.

к людям, которые, по его понятию, чернят действительность, снижают уровень советского искусства, автор настолько увлекся и сгустил краски, что — по всей вероятности невольно, сам того не желая, — выступил в роли очернителя нашей жизни и культуры. Уголовные типы, дельцы, прохвосты составляют в романе «Тля» мощную организацию, этакую всеильную мафию, гласно или негласно управляющую эстетической жизнью страны. Мало того, что они экономически преуспевают, строят роскошные дачи, пьют коньяк, тогда как реалисты, в шевцовском изображении, бедствуют, влачат по преимуществу нищенское существование и занимают на жизнь деньги у благоденствующих эстетов. Последние, оказывается, проникли во все поры общества, добились высоких постов, влиятельного положения. Разорвать их сети трудно, почти невозможно.

До того, как появился роман «Тля», мы наивно полагали, что одним из выражений общественного мнения служат у нас книги отзывов на художественных выставках. Ничего подобного. Книги отзывов, как это установил Шевцов, находятся под контролем агентов Осипа Давыдовича, которые систематически поносят хороших художников и рекламируют бездарность.

Мы полагали, что в мире искусства действует демократия, обеспечивающая развитие творческих возможностей, справедливость оценок, свободу слова. Нет, демократия в романе «Тля» подчинена «машине» вездесущего Иванова-Петренки. «Осип Давыдович в выставочке имеет большинство, проголосуют, и точка». «...Барселонскому и К° каким-то образом удалось завоевать или одурачить МОСХ». «Выступать здесь бесполезно: освищут, обругают, заплюют. Полон зал молодчиков Барселонского и К°». «Ежели, скажем, я, ты или кто-нибудь из не угодных Барселонскому людей когда-нибудь сделает пустяковый грешок, сгоряча не то слово скажет, — это ляжет пятном на всю жизнь. Уж Оська раздует пожар на всю вселенную...»

— Но существует же печать, пресса?! — не унимаемся мы.

— Печать в руках Барселонских, — отвечает хмуро Шевцов.

«Петр Еременко нес свою статью «Творить для народа» в третью редакцию. В двух редакциях статью продержали по две недели и не напечатали. В одной редакции тем-

новолосая узколицая дамочка сказала отчужденным голосом:

— На эту тему у нас уже заказана статья одному искусствоведу. — И подала Еременко его рукопись.

Она лгала — никакому искусствоведу редакция не заказывала такой статьи... В другой редакции с ним разговаривал пожилой мужчина, похожий на старого ворона:

— Статья ваша, Петр Александрович, интересная. Но понимаете, какая штука, на редколлегии высказали мнение: наша газета решила пока не выступать по вопросам изобразительного искусства.

Это тоже была отговорка: никто из членов редколлегии статьи не читал.

Удостоверясь в зараженности прессы ядами формализма, один из положительных героев романа приходит к решению: «Не заглядывать в газеты и не включать радио с передачами о лже-Репиных».

В такой обстановке, естественно, художественная общественность парализована и повинуетса самым диким порядкам. Роман «Тля» стремится внушить читателю, что у нас в мире искусства господствуют вздорные слухи, сплетни, «циничная клевета, злой вымысел, глупые инсинуации», распространяемые «салонем» Иванова-Петренки. «Они, как едкий дым, выползали из «салона» и распространялись среди людей с невероятной быстротой, сопровождаясь зловещим шипением клеветников». Художники живут в состоянии моральной подавленности, выслуживаются, а в отношениях между собою руководствуются личной завистью, соображениями карьеры, родственными связями, приятельством — по принципу «своему на мозоль не наступит».

В этих условиях честные люди чувствуют себя «прокаженными», пребывают в полнейшей изоляции, в тягостном одиночестве. Они бессильны противостоять натиску формалистической банды. Когда, например, у талантливго колхозника Алексея руководителя ансамбля, некая Вика Гомельская, украла сочиненные им песни, тот обратился за помощью к передовому художнику Владимиру Машкову. «Жаловаться бесполезно и некому, — через силу выдал Владимир, расхаживая по комнате. — Ты ей ничего не сделаешь, потому что она не просто Вика, а частица целой группы, цепкой и сильной, с которой одному бороться очень трудно».

У положительных героев Шевцова «душа в синяках». «Состояние было такое, будто

ему в душу наплевали». Не переставая бороться с формализмом, они живут на грани отчаяния, физического и нравственного истощения, теряют веру в справедливость нашего общества, приходят к мыслям о самоубийстве. «А у меня уже нет веры, этой самой глубокой и сильной. Честное слово, иссякла вся до капельки. Потому как никакого просвета не вижу», — признается Петр Еременко. Даже непреклонный Михаил Герасимович Камышев, выполняющий в романе «Тля» роль идейного вождя реалистического направления, трагически переменился: «...Лицо покрылось вдоль и поперек несметным числом морщинок, стало каким-то сухоньким, мелким, на нем прочно поселились усталость и тоска. Плохо видят глаза, поблекли, затуманились, затаили в себе холодные блестящие скептицизма и душевной боли».

Но странное дело: чем больше узнаешь о страданиях положительных героев Шевцова, тем меньше веришь в истинность горя, постигшего этих людей. Ведь тот же тоскующий Камышев, по словам автора, «никогда и никому не давал спуску». «Он пользовался авторитетом среди лучших советских художников, но еще больше он был авторитетен среди простых советских людей и их руководителей». Зачем же при таком авторитете затаивать в глазах скептицизм? Или признание народа, руководителей, лучших художников — не главное для Камышева?..

О судьбе своих героев Шевцов в эпилоге рассказывает: «А как живут Машков, Еременко, Окунев, Вартанян? Да все так же. Много разъезжают по стране, по селам, заводам и стройкам. Пишут в старой манере, которая не приносит им ни шумной славы, ни денег. Но они, упрямцы, остаются верными самим себе и своим зрителям — миллионам простых смертных тружеников, которые еще не научились понимать «новое» искусство. Но ничего, это вопрос времени: Винокуров и Иванов-Петренко их научат и воспитают. Они уже выпустили по несколько книг о современном западном искусстве, о новых тенденциях в советской живописи».

Трудно сказать, чего тут больше: наигранной бодрости или неоправданного минора? И почему приверженцы «старой манеры» не имеют «ни славы, ни денег», хотя работают не покладая рук и пользуются успехом у массового зрителя?

Подобные недоуменные вопросы по тексту «Тли» возникают на каждом шагу. Они

результат того, что автор на страницах своей книги не свел концы с концами и сам, видимо, плохо верит созданной им картине. Ужасы, им нарисованные, вымышлены, а характеры, при всем расчете на узнавание реальных прототипов, до невероятности искажены. Преувеличения, к которым прибегает Шевцов, имеют мало общего с гиперболизмом сатиры. К ним больше подходит житейская поговорка: у страха глаза велики.

Поэтому, между прочим, и положительные герои романа зачастую предстают в несколько неожиданном свете, проявляют качества, несвойственные ни просто хорошим людям, ни тем более передовым художникам. Хотя их высокие убеждения декларированы Шевцовым, психология и поведение этих героев противоречат их убеждениям. На словах они — борцы, на деле — нытики. На словах — тверды, самоотверженны, принципиальны, на деле — ущербны, паталогически пугливы, мстительны, завистливы. Они только и думают о том, что их недооценили (хотя тут же сказано, что народ их любит и ценит). Их беседы между собою оснащены сенсационными слухами по адресу ближнего. Они напряженно собирают сведения, компрометирующий материал, призванный уничтожить противника. Речи их пестрят сентенциями такого типа: «Пока Варягов на коне, Оське нечего бояться» (Варягов — ответственный работник в Министерстве культуры). Ведущие деятели искусства — его надежда и будущее — слишком поглощены кухней, распределением наград и должностей, мелочными обидами. Они мало чем отличаются от отрицательных персонажей Шевцова и своими конспираторскими замашками, намеками, угрозами нагнетают в произведении ту тяжелую атмосферу взаимной подозрительности, которая возвращает нас к нравам, ушедшим в прошлое под именем «культы личности». Вот пример нездоровой психологической взвинченности положительных героев романа:

«Утром на третий день после открытия выставки Владимиру позвонил Павел Окунев.

— Читал сегодня «Советское искусство»? — спросил он загадочно.

— Нет, а что? — с неосознанным беспокойством спросил Владимир...

— Прочти. Невероятные вещи творятся на белом свете... — И положил трубку.

Владимир босиком побегал на лестничную площадку к почтовому ящику, дрожащими пальцами извлек газету...»

Эта атмосфера подозрительности, заговорщицких ужимок, шпиономании и служит питательной почвой невероятных страхов Шевцова, а затем и недозволенных приемов, к которым он прибегает. Вся сложная проблематика современного художественного развития смещается в плоскость каких-то батальных и разведывательных операций, любая эстетическая дискуссия превращается в сражение, пахнущее кровью. Стратегические и тактические удары, маневры, расчеты прочно входят в психологию автора и героев «Тли», предпочитающих военную лексику языку искусства: «...Апологеты «искусства для искусства» были оттеснены на задний план. Все эти винокуровы, яковлевы, ивановы-петренки, как тараканы, попрятались по щелям и временно не проявляли особой активности. В тиши дачных особняков они производили перегруппировку своих сил, выработывали новую тактику и вели разведку наблюдением».

За «разведкой наблюдением», как полагается на войне, следует «разведка боем»: «Акварели Барселонского были хорошим началом,— говорил Иванов-Петренко, и все понимали, что это, собственно, была успешная разведка боем и что настало время переходить в решительное наступление на реалистическое искусство».

В подобных ситуациях уже и в разгоряченном сознании положительного героя Петра Еременки подготовка художественной выставки облекается в живописные образы рукопашной схватки, заимствованные из «Тараса Бульбы»: «И уж так-то рублились они!»

Это бряцание оружием очень далеко от задач идейной борьбы, стоящих перед советским искусством. Батальные аналогии сами по себе еще ничего не решают. Напротив, в некоторых случаях они вредят. Стояние военной тревоги, угрюмой напряженности, искусственно подогреваемое в романе «Тля», сплошь и рядом разрешается паникой, истерией, кликушеством, когда у автора и его героев не выдерживают нервы и они принимаются «рубить» направо и налево, не разбирая своих и чужих. Нагромождение подозрений, сочинение слезливых жалоб, доносов, пасквилей имеют уже вид не защиты реалистических традиций от

эстетских посягательств, но злой пародии и на эту защиту, и на сами традиции.

Психология страха ведь на том и основывается, что человек теряет чувство реального и начинает «бороться» в выдуманном мире, пугая себя все новыми и новыми домыслами. На таком самовозбуждении строятся обличительные тирады шевцовских героев, одержимых манией преследования и готовых прицепиться к любой фразе воображаемого противника, для того чтобы, вывернув ее наизнанку, путем подтасовок отыскать в ней очередную «диверсию». Стоит кому-нибудь высказаться о многообразии искусства социалистического реализма — и начинается вакханалия.

«Слышал, они тоже за социалистический реализм, за его неограниченное многообразие, за свободу творчества!— восклицает Камышев.— Знаю я, какой они свободы хотят! Им нужна свобода расправы над иначекомыслящими, свобода командования искусством, чтобы они могли изготавливать всякую стряпню и выдавать за шедевры, создавать своих «гениев» и «классиков». Им нужна свобода на запрещение социалистического реализма в искусстве. Понимаешь? Свобода на запрещение! Мы не дадим им этой свободы. Партия не позволит.

...В одном журнале статью напечатали: требуют открыть в Москве музей так называемого нового западного искусства, то есть музей эстетско-формалистического кривлянья. В свое время в Москве был такой,— пояснил Камышев.— Снобствующий купчишка Щукин открыл. А зачем нам такой музей?.. Вот я и думаю: ну, дадим им эту «свободу», откроем музей Синьяка и Сезанна, а ты думаешь, они успокоятся? Палец дашь — руку откусят. Третьяковку, может, и не рискнут закрыть, зато Шишкина и многих других народных художников из залов выбросят... Им только дай волю, они и Художественный театр закроют...»

Почему «свобода» означает «запрещение», «многообразие» — «расправу», почему «открыть» музей означает «закрыть» театр?.. Спрашивать бесполезно: Камышев не услышит. Ему ничего не стоит превратить черное в белое, а белое в черное. Ему нет дела до того, что «снобствующий купчишка» Щукин, подобно купцу Третьякову, оставил нам огромное художественное богатство, которым мы, русские, вправе гордиться перед всем миром, что шукинское собрание «великих европейских мастеров, по преиму-

шеству французских, конца XIX и начала XX века» уникально и «по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения», как гласил подписанный Лениным декрет, на основании которого был в свое время открыт Музей нового западного искусства. Какие там французы?! Для Камышева и его единомышленников все иноземное морально и политически подозрительно, а все французское искусство, начиная с импрессионистов,— одно «кривлянье». Французы, уверяют они, «первыми и начали губить искусство»(!).

Впрочем, о взглядах на искусство, изложенных в романе «Тля», можно особенно не распространяться. Если в междоусобных распрях герои романа знают толк, то в области эстетики они сущие дети. Уровень эстетических представлений И. Шевцова достаточно характеризует одна деталь. У негодя и пошляка Бориса Юлина комнату отдыха украшают «цветные фоторепродукции обнаженных женщин: «Даная» Рембрандта, «Венера» Джорджоне, рубенсовская «Сусанна», брюлловская «Вирсавия» и, конечно, ренуаровская молодая дама, сидящая спиной к зрителю с мягким поворотом головы». Перечислив эти создания мирового гения, Шевцов разъясняет читателю, что они помогли Борису Юлину соблазнить девиц.

Попутно заметим, что автор вообще склонен воспринимать работу над обнаженной натурой, мягко выражаясь, слишком утилитарно. Сам Камышев, оказывается, грешил подобным образом (только у эстета Юлина это было признаком пошлости и формализма, а у Михаила Герасимовича — физической крепости и здорового реализма). Но вот, сокрушается автор, пришла старость и «увела с собой молоденьких натурщиц». Может, у Михаила Герасимовича так оно и было на самом деле, как рассказывает Шевцов,— мы не знаем. Только ведь, к слову сказать, в ободрение живописцам, «молоденькие натурщицы» не уходят с наступлением старости и старость тут не помеха, если, конечно, подходить к натуре с самыми прямыми, то есть художественными намерениями.

Загадочно и шевцовское толкование реализма. В реализме особое значение придается тщательно выписыванию подробностей, вплоть до того, например, что в жанровой композиции «В загсе», которая здесь демонстрируется в качестве реалистического ше-

девра, настроение жениха «можно читать по дрожащим длинным ресницам», а на столе виден «незаполненный бланк», над которым «застыло перо», готовое зарегистрировать брак. Если принять во внимание, что все это, с массой других деталей, представлено «на холсте небольшого размера», то станет ясно, с какой кропотливостью работал художник над отделкой мелочей, усматривая в этом истинное торжество реализма. Над изображением того, «как дрожат ресницы», много бьются и другие герои Шевцова, а в пейзажном этюде для них особенно важно «написать бриллианты росинок, сверкавших на елочке».

Нужно ли говорить, что все эти росинки и бриллианты чрезвычайно сужают и опешляют задачи искусства, выдавая себя за реализм? Главная беда, однако, что лишь такое искусство наделяется в романе «Тля» высокими полномочиями, а всякая иная живопись подвергается хуле, зачисляется по разряду эстетства, формализма.

В романе «Тля» всего хватает — и ругани, и безграмотности, и крокодиловых слез... Это понятно: то, что всей нашей жизнью исключено из обращения, иногда пытается мстить за свои несчастья и ради этого ничем не брезгует. Но непонятна, непостижима новость, поджидающая нас в самом конце книги, когда, дочитав ее, мы узнаем, что издательство «Советская Россия» размножило «Тлю» стотысячным тиражом и выпустило, как сказано там, в «дополнение к тематическому плану 1964 г.», то есть зеленой улицей, в ударном, сверхурочном порядке, как радостный сюрприз...

На роман «Тля» * * * появились критические отклики в «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Огоньке». Книга подверглась решительному и единодушному осуждению. Такое единодушие радует, хотя, нам кажется, иногда критика «Тли», как это произошло в «Огоньке», по своему тону снижается до уровня разбираемого романа и дает автору аттестации, напоминающие его же художества. Но дело состоит не в том, чтобы публично оттолкнуть Шевцова или обругать его покрепче. Важнее задуматься, только ли Шевцов проповедует невежество под видом реализма и смешивает с грязью художественную интеллигенцию? Ведь тот же человек, который «Огоньком» теперь причислен к «приживалкам», «салопникам», «бутербродникам», еще недавно

пользовался признанием в определенной среде, получал напутствия. «Ведь он отлично знает нашу среду, разбирается во всех тонкостях нашего гворчества», — писал о нем А. Лактионов в предисловии к «Тле»¹. А предыдущий роман Шевцова «Свет не без добрых людей» сопровождался сочувственным послесловием А. Герасимова...

Знакомство с рецензиями на роман «Тля» наводит и на другого рода вопросы. Вот ведь, точно сговорившись, все на одного напали. Не значит ли это, что «Тля» своей печальной судьбой косвенным образом вдруг подтверждает собственную версию — горестный рассказ об участи борца, которого теснят злые недруги да еще вдобавок безнаказанно издеваются? Не воскликнет ли обиженный автор, что он был прав, когда писал о гонениях на реалистическое искусство, и вот теперь все в жизни происходит почти что по роману — напрасно его обвинили в неправде и клевете? И не призовет ли он вновь к оружию, брэнча цитатами из Гоголя и Гюго, из Репина и Чайковского, из Даля и Карамзина, и не напишет ли новую книгу на эту тему, снабдив, как и в романе «Тля», каждую главу неопровержимыми эпиграфами?..

Во избежание подобных недоразумений я тоже позволю себе воспользоваться цитатой, на мой взгляд, хорошо объясняющей беду, случившуюся с Иваном Шевцовым. Эта цитата заимствована из одной старинной книги, в которой речь идет о различных чудесах природы и людского нрава. Среди прочих интересных предметов здесь дается научное объяснение граду, ниспадающему на землю в виде «твердых и льдистых ша-

¹ В «Литературной газете» от 17 декабря появилось письмо А. Лактионова, в котором говорится: «Я не читал роман, когда подписывал предисловие к нему, заранее заготовленное автором романа...» Номер журнала был уже подготовлен к печати, и мы не могли учесть это сенсационное заявление действительного члена Академии художеств СССР. (Ред.)

ров». Заранее прошу извинить меня за длинную выдержку: стиль старой книги, неизмеримо прекраснейший, все же чем-то созвучен с человеческими страстями, бушующими в романе Шевцова, а приводимый текст может послужить послесловием к этому произведению, ниспосланному на нас внезапно, подобно граду.

«Сии шары то угловатые, то круглые будучи, поелику от воздуха и ветров больше или меньше соглаждены, с ужасным визгом свирепствующих ветров, на грады и поля стремятся... Звери, пораженные сим необыкновенным ударом, которого избежать не могли, воют и ревут объаты унынием и страхом. Люди на полях и стогах, постигнутые градом, укрывают лице свое, и оному противопологают твердый и не столь чувствительный свой хребет; но его свирепством часто низвергаются, и от ударяющих шаров, подобно как сражающиеся на битве от смертоносного свинца, повергаются на землю...»

Таков есть Хулитель. Из очей его сверкает завистливый и снедающий огонь, а из свирепых челюстей исходит на врагов и на приятелей град, преисполненный поношений и ругательств. Сии ударяют и разят жестоко, терзают и язвят, и нигде не можно от них укрыться. Но к шастию нашему, Хулитель опровергает через то купно и собственное свое блаженствие; и будучи попрач исчезает он, подобно граду тающему на разженной земле.

Приводит в страх, разит, и часто убивает; Но чуть появится, сам скоро исчезает».

(«Свет зримый в лицах; или величие и многообразность зиждителей намерений, открывающиеся в природе и во нравах, объясненные физическими и нравственными изображениями, украшенными достойным сих предметов словом, в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам и другим художникам». СПб. 1789).

А. СИНЯВСКИЙ.

